

Хэ Е вырвал руку из хватки Чжоу Синьи, коротко усмехнулся и, под его пристальным взглядом, ушёл.

Спустя несколько дней Хэ Е снова появился перед Чжоу Синьи, но на этот раз в качестве адвоката, чтобы официально поговорить с Хуан Ганом. Поскольку Хуан Ган всё ещё жил в доме Чжоу Синьи, тот тоже присутствовал при встрече.

Войдя в кабинет и усевшись, Хэ Е без предисловий спросил:

— Два года назад господин Хуан на машине сбил студентку из деревни, после чего она впала в кому. Вы это помните, господин Хуан?

Чжоу Синьи заранее предупредил Хуан Гана о возможном разговоре, поэтому тот был готов. Услышав вопрос, он лишь усмехнулся:

— Вы же знаете, дело было два года назад. В тот же день я отвёз её в больницу и уладил всё с семьёй полюбовно.

— Под «полюбовно» вы имеете в виду использование имени и денег господина Чжоу для запугивания и подкупа, чтобы они не подавали в суд? — с презрением переспросил Хэ Е и повернулся к Чжоу Синьи. — У той семьи не было ни связей, ни денег, они не разбирались в законах. Ваши угрозы подействовали — они взяли деньги и затаились, лишь надеясь, что дочь очнётся. — Он не сдержал сарказма. — Господин Чжоу, вы, конечно, человек долга, но неужели вас не грызёт совесть?

Чжоу Синьи, глядя на него, спросил в ответ:

— А что ещё можно было сделать? Что случилось, то случилось. Мы сделали всё, чтобы помочь. Разве ради этого нужно было кого-то убивать?

— Каждый должен отвечать за свои поступки.

Чжоу Синьи промолчал, а потом, словно что-то вспомнив, спросил:

— Говорят, позже сосед, не выдержав, нашёл им адвоката. Полагаю, это были вы?

— Меньше чем через три дня этого соседа съехали. — Хэ Е с отвращением посмотрел на них. — После этого они трусили ещё сильнее. Не только не решились подать в суд, но и в полицию заявить побоялись. Сколько я их ни уговаривал — всё напрасно. Они даже умоляли меня не лезть, хотели просто тихо жить, тратя ваши деньги на поддержание жизни дочери. Ведь у них ещё был младший сын, которого надо кормить.

— Вы правы, — кивнул Чжоу Синьи. — В деревенских семьях к дочерям и сыновьям часто относятся по-разному. Это вопрос менталитета.

— Что же, мне, выходит, благодарить вас за то, что вы хотя бы оставили им деньги на лечение? — язвительно спросил Хэ Е.

Его тон заставил Хуан Гана ёрзнуть — то ли от стыда, то ли от злости. Тот не выдержал и вставил:

— К чему вы клоните? Пришли сказки рассказывать? Дело уже закрыто.

— Вы действительно договорились наедине, — не спешил Хэ Е. — Но то, что полиция тогда не

завела дело из-за недосмотра, не значит, что о нём нельзя заявить позже. — Он уверенно улыбнулся.

— Мы подписали с её родителями соглашение, — вступил Чжоу Синьи. — В больнице есть заключение о вегетативном состоянии. Права перешли к родителям.

— Вы же понимаете, что это уголовное преступление, — парировал Хэ Е. — Даже сама пострадавшая не может его «замять», что уж говорить о родителях?

Чжоу Синьи на секунду задумался.

— Как бы то ни было, соглашение подписано обеими сторонами.

— Оно не имеет юридической силы, — Хэ Е спокойно достал из портфеля лист бумаги и протянул Хуан Гану.

Тот не принял документ, но, кажется, догадался, что это. В его голосе прозвучала неуверенность:

— Но... срок давности ведь истёк?

Хэ Е положил бумагу на стол.

— Срок давности никогда не прерывался. И... — Он снова взял лист, внимательно посмотрел на него. — Как и это исковое заявление. Как бы вы ни пытались увернуться, у вас не выйдет.

Хуан Ган бросил на Хэ Е злобный взгляд. На лбу у него выступил пот. Он невольно посмотрел на Чжоу Синьи. Тот по-прежнему пил чай, сохраняя джентльменское спокойствие. Зная, что Хэ Е ждёт ответа, он медленно произнёс:

— Даже если срок не истёк, прошло два года. Разве сейчас найдёшь улики?

Услышав это, Хуан Ган немного успокоился.

— А подпись на соглашении — не улика? Или медицинское заключение? Но главное — девушка наконец пришла в себя. Она может опознать того, кто её сбил. Иск подаётся от её имени.

Затем Хэ Е встал и с холодной вежливостью протянул Хуан Гану руку.

— Здравствуйте. Позвольте представиться официально. Я адвокат госпожи Чжан Жань — Хэ Е. Очень приятно.

В момент рукопожатия Хуан Гана охватили ярость и ненависть.

— Все эти доказательства можно подделать, — не поднимая глаз, сказал Чжоу Синьи. — Чем вы докажете, что подпись моя? И потом... — Он наконец взглянул на Хэ Е. — Девушка два года была без сознания. Её словам не поверят.

— Если господин Чжоу и господин Хуан так уверены в своей правоте, встретимся в суде. И я тоже хочу сказать вам «и потом»... — Хэ Е говорил спокойно и размеренно. — И потом, человек предполагает, а Небо располагает.

С этими словами он аккуратно собрал бумаги и направился к выходу.

— Стойте.

Когда Хэ Е был уже у двери, Чжоу Синьни вдруг преградил ему путь.

— Достаньте, — холодно приказал он.

— Что? — Хэ Е сделал вид, что не понимает.

— Диктофон.

Для Чжоу Синьни Хуан Ган с детства не был примерным ребёнком. Вечно дрался, задирали слабых, а повзрослев, и вовсе распоясался. Настоящий отпетый тип. Но преданность Хуан Гана Чжоу Синьни была безграничной. Если и был на свете человек, готовый за него в огонь и воду, так это он.

Хуан Ган не раз втягивал Чжоу Синьни в неприятности, наживая врагов. А Чжоу Синьни не раз вытаскивал его из этих неприятностей, «улаживая» людей. Они были настоящими братьями, готовыми друг за друга на всё.

Хуан Ган был из простой семьи, и водился он в основном с местными шпаной и собутыльниками из караоке. После той аварии он мог рассчитывать только на Чжоу Синьни.

И Чжоу Синьни без колебаний взялся за дело. Хотя он понимал, что это аморально и даже противозаконно, братская преданность перевешивала всё. В этом смысле он был эгоистом до мозга костей. Неважно, что правильно, а что нет, — он просто не мог позволить брату сесть в тюрьму.

Шло время, и Чжоу Синьни, разумеется, забыл о той истории. Он продолжал творить подлости без тени смущения, и совесть его никогда не мучила. Но теперь, когда Хэ Е всколыхнул прошлое, в душе Чжоу Синьни поднялась тревожная рябь.

— У меня нет никакого диктофона. Прошу, уступите дорогу. — Хэ Е усмехнулся, возвращая Чжоу Синьни в реальность. — Что, хотите прикончить свидетеля, чтобы скрыть его преступление?

Чжоу Синьни смотрел на него ледяным взглядом, не реагируя. Хуан Ган, видя его оцепенение, с беспокойством спросил:

— Что с тобой? Плохо?

— Я думаю, каждый должен отвечать за свои поступки, — прошептал Чжоу Синьни так тихо, что едва слышал себя.

Хуан Ган побледнел и замолчал. Слова Чжоу Синьни были справедливы, но для его единственного брата они прозвучали как приговор.

Видя потрясение на лице Хуан Гана, Чжоу Синьни вдруг почувствовал острое раскаяние. Смерть Лян Мэньюй подкосила его. Если бы рядом не было верного друга, он вряд ли бы выстоял. Даже сейчас Чжоу Синьни не был уверен, что действительно справился.

Он опустил голову, и в его усталом голосе прозвучала мольба:

— Давайте обсудим ещё раз.

— Говорите, если есть что сказать, — равнодушно отозвался Хэ Е.

Чжоу Синь, видя, что тот не уходит, с облегчением вздохнул. Боясь, что Хэ Е передумает, он машинально потянулся к его руке, чтобы усадить за стол.

Хэ Е кивнул, но ловко уклонился от прикосновения.

Чжоу Синь лишь усмехнулся этому мелкому жесту. Он понимал, что они с Хэ Е — как лёд и пламя. Даже если бы Хэ Е мог его простить, он сам себе никогда бы не простил.

— Как теперь себя чувствует та девушка? — начал Чжоу Синь. — Она просто очнулась или полностью поправилась?

<http://bllate.org/book/15947/1425486>